

ВАСИЛИЙ АКСЕНОВ: А В МОСКВЕ МЕНЯ БИЛИ стулом по голове...

У него нет наград от того мира, где его любят и читают. Он охотно говорит о своих "метафизических" фантазиях, уже опубликованных или еще только бродящих в его голове, чем о собственной жизни или профессорстве. Сам он считает себя реалистом, и его читатели разделяют его самооценку не без восторга. Его читатели — от удовольствия: мне пока не встречался человек, заглатывающий его тексты по обязанности, что случается с книгами признанных классиков — Толстого, Солженицына, Рыбакова.

Лев МОСКОВКИН
Фото Валерия ПЛОТНИКОВА

— Современный Аксенов, автор "Острова Крым" и "Нового сладостного стиля", сильно отличается от прошлого автора "Затоваренной бочкотары" и "Апельсинов из Марокко"?

— Ну примерно как кандидат или доктор физико-технических наук от выпускника детского сада. Если вы прочтете "Новый сладостный стиль", вы увидите, что в нем много метафизики. То есть это реалистический в принципе роман. Реалистические романы писать трудно на самом деле. Но мой реализм — он сдвигается постоянно в сторону метафизики. Меня метафизика жизни интересует сама по себе. Потому что я не вполне уверен, что мы живем в единственно реальном мире.

— Реальность русских сказок — трехголовый змей. У вас симво-

лично число пять? Как мост от Пятого управления размножением диссидентов к современной российской капиталистической виртуальности — фигура Бобкова, которая тоже связана с "пятеркой"...

— А какую вещь вы имеете в виду? "Сладостный стиль"? Ну это не совсем Бобков, обобщенный тип крупного гэбэшника, который перешел в торговые структуры. Довольно типичный персонаж.

— Не торговые — в "Мостбэнк"?

— "Акведук-банк" (смеется). И это тоже все обобщение, господа. Дело в том, что очень соблазнительно всегда узнавать в персонажах реальные лица, но это всегда ошибочное узнавание. Этот процесс можно сравнить с какой-то алхимией, когда ты в котел вливаешь свои впечатления, перемешиваешь их и потом каких-то гомуникулов из этого варева делаешь. Таков ход творческого процесса в прозе на самом деле. Впечатления накапливаются годами.

— И все же откуда эта пятеричность?

— Пятеричность? А где вы нашли связи с Бобковым? А, их пять, совершенно верно. Интересное наблюдение. И в "Ожоге" их пять — да? Там даже есть главка "Пятеро в одиночке". Это не расслоение на пять частей, а, наоборот, я бы сказал, соединение пяти в одном. Потому что у этих пяти разных персонажей одно и то же прошлое, если вы помните. Мальчик, ученик магаданской средней школы — то есть я сам, и вот эти персонажи, они соединяются в нечто. Почему их именно пять — трудно сказать, может быть, в связи с Пятикижием Моисея? (Смеется.) Я, честно говоря, числу не придаю большой роли в данном случае. Но, скажем, четверо было бы недостаточно,

Москва. 1999. 15-21 февраля. с. 46